тексты, прошли в них редакционную обработку по другим источникам, в результате чего одни из них по-прежнему остались близки к Хронографу, другие же в значительно большей степени изменили свой облик (имеется в виду список ГИМ, собр. Увар., № 670; см. выше, прим. 10).[12] В руках автора «Повести» оказалась летопись, где эти статьи находились в редакции, более близкой к Хронографу. Вместе с окружавшим их летописным текстом, приглянувшимся автору, они попали в его сочинение.[13]

В целом же сложение «Повести о зачале Москвы» представляется в следующем виде.

Желая отразить идею Москва — третий Рим в своей «Повести», автор обратился к мотиву поставления городов на крови и взял за первооснову летопись типа ГПБ, F. IV. 343 и ГИМ, собр. Увар., № 670, где находился рассказ об основании Москвы Юрием Долгоруким. Другим материалом для него оказалась, как предполагал еще С. К. Шамбинаго, легенда о боярине Кучке как первом владельце Москвы, которую он вкомпоновывает в летописное изложение и сказание об убийстве Андрея Боголюбского. возможно, с отголосками в нем устного рассказа об участии в убийстве жены князя.[14] Наличие имен Кучки в легенде и Кучковичей в сказании, мотива «пролития крови» и в том и другом сочинениях позволяло автору связать эти произведения вместе и создать цельное повествование; он как бы прослеживал в «Повести», по выражению С. К. Шамбинаго, «всю судьбу первоначальных поселенцев Москвы, окончившуюся гибелью всего Кучкова рода».[15]

Следующим источником составителя «Повести», как представляется, послужили статьи Хронографа 1512 г. по всемирной истории. Были заимствованы два отрывка из глав 108 и 176 в рассказах «Царство Никифора Фоки» и «Царство Левкиа Таркиниа». На основе первого из них была проработана часть «Повести» с Андреем Боголюбским. Второй отрывок, касавшийся заложения Капитолия в Риме, был включен в вводную часть. Вступление, ставившее целью доказать, что Москва является третьим Римом, и открывающееся фразой старца Филофея о «трех Римах», за исключением этой последней и отрывка о заложении Капитолия, по-видимому, можно считать сочинением самого автора.

В заключение несколько слов о той предполагаемой летописи, которая послужила источником «Повести о зачале Москвы». Конечно, и здесь трудно что-либо утверждать, летопись эта могла быть близкой по типу и к летописцу F.IV.343 и к летописцу ГИМ, собр. Увар., № 670 и представлять собой нечто, в какой-то мере только похожее на них. Скажем только одно: в «Повести» использованы известия одного и того же источника — Хронографа 1512 г. Это обращает на себя внимание и прямо (закладка Капитолия, отрывок с Андреем Боголюбским) и косвенно (летописные записи «Повести»).

Летописные записи «Повести», иначе говоря, русские статьи Хронографа 1512 г., прошедшие редакционную обработку внутри летописного

---

[12] Примеры использования летописями одних только русских статей Хронографа известны: в состав Русского временника (Руский времянник, 2-е ч. М., 1820) включены русские статьи Хронографа 1512 г.; во Временнике, изданном в «Трудах Вятской губернской ученой архивной комиссии 1905 года» (в. 2, Вятка, 1905, стр 1—98), имеются русские статьи третьей редакции Хронографа (по А. Попову).

[13] В том, что летописные статьи рукописей F.IV.343 и Увар., № 670, сходные с «Повестью», составлены по Хронографу, убеждает и то, что, например, в летописце F.IV.343, как и в Хронографе, в этих статьях встречаются упоминания царей греческих.

[14] См.: *История русской литературы*, т. II, ч. 2, стр 245

[15] С. К. Шамбинаго. Повести о начале Москвы, стр 72